

УДК 316.334.56

DOI: 10.34670/AR.2026.45.40.022

Трансформация восприятия времени в современном мегаполисе**Мамедов Агамали Куламович**

Доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии
коммуникативных систем социологического факультета,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: akmnauka@yandex.ru

Апреутесей Елизавета Юрьевна

Магистрант социологического факультета,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: apreutesey_science@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется трансформация восприятия времени в современном мегаполисе как результат взаимовлияния исторических, социально-экономических, технологических и субъективно-психологических факторов. На основе концепций циклического и линейного времени, теорий ускорения, а также идей «текущей современности» и «пространства потоков» предлагается интерпретация изменений темпоральных структур в условиях городской среды. Особое внимание уделяется инфраструктурным детерминантам ускорения, таким как синхронизация узлов, плотность контактов и аффордансы архитектуры, культурным различиям в восприятии времени, включая монохронные и полихронные культуры, а также субъективным механизмам его оценки, среди которых плотность памяти, нагрузка внимания и сенсорная насыщенность. Показано, что в мегаполисе время утрачивает однородность, становится фрагментированным и гибридным, а ключевым дефицитным ресурсом вместо времени выступает внимание. Делается вывод о переходе от «экономики времени» к «экономике внимания», где способность к сосредоточению и фильтрации информационного шума определяет качество субъективного опыта и глубину переживания временных интервалов.

Для цитирования в научных исследованиях

Мамедов А.К., Апреутесей Е.Ю. Трансформация восприятия времени в современном мегаполисе // Культура и цивилизация. 2026. Том 16. № 4А. С. 197-208. DOI: 10.34670/AR.2026.45.40.022

Ключевые слова

Восприятие времени, мегаполис, ускорение, хронотоп, внимание, «текущая современность», пространство потоков, монохронные и полихронные культуры, субъективное переживание времени, экономика внимания.

Введение

В разные эпохи концепция времени определялась особенностями исторического контекста и доминирующей картины мира. Хронотоп как структурный элемент ментальности выступает основой мировосприятия и выполняет мирозерцательную функцию. Изменение представлений о времени свидетельствует об эволюции мировоззрения и находит отражение в поведении, ритме жизни и самосознании личности. Понимание времени зависит от культуры, традиции, социального контекста, а также языка, религии и темпа жизни, которые вместе формируют субъективную оптику, через которую человек видит прошлое, настоящее и будущее.

Основная часть

В первобытную эпоху доминировала циклическая модель восприятия времени. Прошлое, настоящее и будущее в строгом смысле не разделялись, находясь в синкретичном единстве. Мирча Элиаде отмечал, что циклическое время — это защитный механизм культуры, позволяющий преодолеть страх перед уникальными и неконтролируемыми событиями [Элиаде, 2000]. Архаические общества существуют в онтологически защищенном, циклическом времени, где каждое действие имеет высший смысл, а будущее не пугает своей неизвестностью. Современный же человек, по мнению М. Элиаде, совершил революцию, уничтожив миф о «вечном возвращении». Автор отмечает: «...чем более он становится современным, незащищенным от "ужаса истории", тем меньше у него шансов делать историю...» [Элиаде, 2000, с. 120]. Человек свободен творить историю, но расплачивается за это неопределенностью, страхом перед будущим, проблемой выбора и бременем ответственности за последствия своих решений.

Античность не только развивает идею о циклической модели, но и перерабатывает ее, обогащая концепцию времени мифологическими, философскими и космологическими интерпретациями, при этом сохраняя ее первоначальные элементы и характеристики. Древние греки использовали различные слова для обозначения времени, классифицируя его по смысловому содержанию: хронос — количественное, линейное время, которое можно измерить; кайрос — качественное, благоприятное время, то есть трудноуловимый счастливый момент; эон — долгий период или век, в некоторых философских школах понимаемый как жизненная сила или космический цикл. Вместе они составляют концепцию, разделяющую измеримое течение жизни и судьбоносные мгновения. В эту же эпоху время было «окультурено». Гномон и клепсидра стали ключевыми инструментами для его фиксации.

В Средние века в Европе течение времени было в первую очередь сопряжено с религиозными обрядами. Так, например, бенедиктинцы сделали точное измерение времени необходимостью для своей духовной жизни. Их устав предусматривал строгий распорядок дня с несколькими молитвенными службами, включая ночные бдения, а также часы труда и чтения. Для жителей той эпохи под влиянием христианства время воспринималось линейно — от Сотворения мира до Страшного суда.

Эпоха Нового времени привносит в концепцию времени экономический аспект. «Время — деньги» — слоган периода раннего капитализма, когда формировалась буржуазная мораль, ценившая труд, бережливость и рациональное использование времени [Франклин, 2021]. Карманные часы становятся индивидуальным инструментом контроля времени, так как важность точности и пунктуальности возрастает. Опоздать — значит потерять прибыль. Макс

Вебер писал, что время стало мерилom угодности Богу. Автор также подчеркивал, что в протестантизме, особенно в кальвинизме, отношение к труду и времени кардинально изменилось. Упорный и добросовестный труд рассматривается как исполнение своего божественного призвания, а бесцельное времяпрепровождение, праздность или роскошь считаются греховными [Вебер, 2008].

Если Новое время превратило время в хозяйственный ресурс, то начало XX века подвергло сомнению саму его физическую природу. В 1916 году А. Эйнштейн опубликовал статью «Основания общей теории относительности», обобщив идеи, заложенные в специальной теории относительности 1905 года [Einstein, 1916]. Именно специальная теория относительности впервые показала, что время не абсолютно, а является частью единого «пространства-времени». Общая теория относительности установила, что гравитация искривляет пространство-время и может замедлять темп его течения. Эти открытия перевернули прежнее понимание времени. Уже в XX веке проявляется парадокс: при огромном количестве устройств, призванных экономить время, люди по-прежнему ощущают его острую нехватку.

Обозначившийся парадокс имеет не только технологические, но и глубокие социокультурные корни. Уже на рубеже XIX–XX веков классики социологии отмечали, что ускорение является важной характеристикой модерна. В работе «Большие города и духовная жизнь» Георг Зиммель фиксирует ускорение ритма жизни в условиях города. Большие города, по мнению автора, перегружают нервную систему человека количеством впечатлений и их интенсивностью. В ответ на это организм включает защитную реакцию, что ведет к более рациональному образу жизни. Горожанин старается оградиться и эмоционально не вовлекаться в происходящее вокруг. Так, формируется состояние, которое автор назвал «Blasiertheit» — блазнь, пересыщенность, усталость от впечатлений. «Сущность блазированнойности есть притупленность восприятия различия вещей... значение и ценность разницы между вещами, а потому и сами вещи кажутся ничтожными. Они представляются человеку с притупленными чувствами однообразно тусклыми и сырыми, ничего не стоящими, недостойными никакого предпочтения перед другими» [Зиммель, 2002, с. 5]. Также Г. Зиммель сформулировал парадокс свободы и обособленности. Городская среда предоставляет индивиду большую свободу действий, так как снижается контроль со стороны других жителей и фактор анонимности становится ярко выраженным. У человека появляется выбор собственного проявления, но это оказывается полностью его самостоятельным путем, без вмешательства, в том числе без помощи и поддержки со стороны. Важен также экономический аспект: «...математическая точность практической жизни, вытекающая из денежного хозяйства ... оно так заполнило день такого множества людей взвешиванием, сосчитыванием, числовыми определениями, переводом качественных ценностей на количественные.» [Зиммель, 2002, с. 4]. Рыночная логика приучает человека дробить время на мелкие, эквивалентные отрезки, которые можно обменять на деньги.

Объяснение ускорения времени через экономическое развитие содержится также в работах Карла Маркса [Маркс, 1968]. Описывая процесс развития механизации и автоматизации, автор приходит к выводу, что капитализм сам готовит переход к новому обществу, где мерилom будет свободное время. В капиталистическом обществе богатство измеряется рабочим временем, необходимым для производства товаров. Отсюда вытекает парадокс: капитализм стремится сократить необходимое рабочее время для роста производительности, но стоимость продолжает определяться рабочим временем. Мерой богатства становится не рабочее, а свободное время: «Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т. е. времени для полного развития индивида» [Маркс, 1968, с. 80].

Данные классические положения подготовили почву для современных теорий тотального

ускорения. Современный исторический этап характеризуется множественностью концепций, отражающих восприятие времени человека модерна, однако большинство авторов сходятся во мнении о тотальном ускорении времени. Хартмут Роза в своих работах выделял три типа ускорения, характерных для современности [Rosa, 2005]. Во-первых, это технологическое ускорение, то есть рост скорости транспорта, связи и производства, благодаря которому время «сжимает» пространство. Во-вторых, ускорение социальных изменений означает быструю смену структур, ценностей и мод. В-третьих, ускорение темпа жизни проявляется в дефиците времени и спешке; возникает тот самый парадокс, описанный выше: технологии экономят время, но его становится еще меньше, потому что ускоряется сам ритм существования. Люди едят быстрее, меньше спят и выполняют несколько дел одновременно.

В этом контексте Х. Роза дает четкое операциональное определение способов ускорения темпа жизни. Он понимает темп жизни как плотность действий и переживаний в единицу времени, которую индивид или группа стремятся максимизировать. Соответственно, ускорить свой собственный темп жизни можно двумя принципиальными способами. Во-первых, можно выполнять большее число действий или переживаний за тот же самый период времени за счет сокращения пауз и интервалов – то есть действовать почти непрерывно, быстро переключаясь между задачами и не допуская простоев. Во-вторых, можно делать несколько дел одновременно, например, готовить пищу, смотреть телевизор и разговаривать по телефону. Эти способы, однако, не всегда ведут к желаемому результату, поскольку количество доступных опций растет экспоненциально, но именно так люди эмпирически ускоряют свою повседневную жизнь, и в этом Роза видит основу феномена «ускорения темпа жизни» в позднемодернистских обществах.

Если Роза описывает формы ускорения, то З. Бауман обращается к их истокам. Польско-британский социолог находит причину процесса ускорения времени в стремительном разжижении социальных и институциональных структур [Бауман, 2008]. Мир перестал быть «твердым», предсказуемым, устойчивым — и стал «текучим» и стремительным. Главной структурной чертой такой характеристики современности становится неопределенность — она одновременно мучительна и желанна, потому что оставляет пространство для маневра, но никогда не дает опоры. Отказ от устойчивости делает бессмысленными любые долгосрочные обязательства: «при отсутствии долгосрочной безопасности "мгновенное вознаграждение" выглядит как разумная стратегия» [Бауман, 2008, с. 174]. В поздних работах З. Бауман вводит понятие ретропии — попытки вернуться в воображаемое твердое прошлое, где были понятные правила [Бауман, 2019].

Поль Вирильо, французский мыслитель, в работе «Скорость и политика» называет скорость движущей силой человеческой цивилизации [Вирильо, 2006]. История прогресса неотделима от истории ускорения, которое ведет к «аннигиляции пространства временем». В традиционном мире пространство было главным препятствием. Чтобы доминировать над территорией, нужно было ее контролировать: строить стены, крепости, дороги. Расстояние было ресурсом и барьером одновременно. С появлением технологий ускорения пространство перестает быть непреодолимым. Время, затраченное на пересечение расстояния, сокращается. Победитель — тот, кто быстрее обнаруживает, быстрее принимает решение, быстрее наносит удар. Этот тезис переносится на все сферы общественной жизни. Он же вводит термин «дромократия» — от греческих слов *dromos* (скорость) и *kratos* (власть), утверждая, что скорость стала формой власти, более фундаментальной, чем территория, капитал или идеология. Скорость понималась как движущая сила истории. В этом контексте он считает, что и историческое развитие нужно рассматривать с точки зрения смены скоростных режимов в восприятии времени. Первый — географический (от древности до XVIII века): скорость человека и лошади, власть через

контроль территории. Второй — электрический (XIX–XX века): скорость электрического сигнала, коммуникация обгоняет транспорт, власть через время реакции. Третий — световой (с середины XX века): скорость света, пространство исчезает, власть через мгновенные информационные потоки, место вытесняется экраном.

Дромократические принципы нигде не проявляются так концентрированно, как в современном мегаполисе, чья инфраструктура и есть материализованная скорость. Именно современный мегаполис создает условия для фрагментации потока времени.

Социальный теоретик Дэвид Харви выделял пространственно-временное сжатие как одно из проявлений постмодерна [Харви, 2024]. Он пишет, что в период массового конвейерного производства время было жестко регламентировано и четко организовано вокруг механизированного труда. Но данный этап сменился режимом гибкого накопления, для которого характерны переход к малым партиям, децентрализация производства, рост гибких и гибридных форм занятости и наличие системы «Just-in-Time» (метод, при котором поставка сырья происходит ровно в нужный момент для снижения издержек). Эти процессы неизбежно ведут к росту скорости производства, таким образом, капитализм радикально сокращает время и пространство. Сжатие времени происходит из-за необходимости наиболее эффективного, а значит, быстрого экономического оборота, что, как следствие, ведет к быстрой моде, «экономике впечатлений», ежегодному обновлению техники и т. д. А сжатие пространства подразумевает снижение важности географического положения, так как благодаря технологиям, коммуникациям, средствам связи и транспорту расстояние перестает быть значимым препятствием. Дэвид Харви пишет, что такая трансформация экономического производства неизбежно ведет к культурным и психологическим последствиям. Ускорение жизни людей, быстрая смена трендов, фрагментация долгосрочных нарративов, унификация общественных пространств — последствия, порождающие состояние постмодернистской дезориентации: разрыв устойчивой связи с местом и историей.

Популярный западный мыслитель Мануэль Кастельс описывает концепцию «вневременного времени» в условиях глобального сетевого общества [Кастельс, 2000]. В первом томе «Становления сетевого общества» автор вводит понятие «информационализма», представляющее собой новый способ развития общества, пришедший на смену индустриальному, где главной действующей силой выступают знание и информация в контексте цифровой среды. В таких условиях доминирующей формой пространственной организации является поток — непрерывное движение капитала, информации, технологий. «Пространство потоков есть материальная организация социальных практик в разделенном времени, работающих через потоки» [Кастельс, 2000, с. 386]. Это порождает феномен «вечного времени» — режима, в котором стираются границы социальных и биологических ритмов. Данная система работает на глобальном уровне и подчиняется логике тотальной синхронизации.

Отличие данных теорий ключевым образом заключается в том, что Д. Харви остается в рамках марксистской политэкономии — капитал продуцирует сжатие, чтобы увеличивать прибыль. А М. Кастельс представляет пространство потоков и «вечное время» как более автономные факторы, не сводимые лишь к капиталистической логике. Пространство потоков возникает потому, что информационные технологии позволяют отделить организацию от физического присутствия, а вечное время возможно при условии цифровой среды. Капитализм использует эти возможности для извлечения прибыли, но не является причиной данных явлений.

Теоретические модели ускорения, сжатия и «текучести» обретают реальные очертания в

устройстве современного мегаполиса. Инфраструктура городов становится активным агентом, диктующим темп повседневности. Именно она задает высокий ритм жизни по следующим причинам.

Первая причина заключается в синхронизации работы узлов. В ограниченном, пусть даже и очень большом, пространстве необходимо согласовывать работу тысяч служб, которые должны действовать синхронно и параллельно — от транспорта до экстренных служб. Любая пауза приводит к застоям во всех сферах и, как следствие, к экономическим убыткам.

Второй фактор связан с экономической выгодой. Мегаполис должен обеспечивать себя и жителей, поэтому скорость здесь обусловлена экономическим спросом и быстрым подбором ресурсов под возникающие потребности. Чем быстрее заключаются сделки и доставляются товары, тем больше прибыль, а медлительность в городе становится прямой потерей денег.

Третье условие диктуется эффектом Джейн Джейкобс — необходимым разнообразием городской среды [Джекобс, 2011]. На одном квадратном километре в городе сосредоточено огромное количество разных функций: офисы, школы, кафе, аптеки, суды, вокзалы, коворкинги. Мозг вынужден постоянно переключаться между контекстами. Это постоянное переключение не дает расслабиться и заставляет ощущать время дробным, состоящим из множества микроинтервалов.

Четвертый аспект представляет собой эффект «сжимающегося времени» от плотности контактов. В городе человек невольно становится участником тысяч слабых социальных связей (очередь, лифт, эскалатор, пешеходный переход). Возникает необходимость мгновенно считывать невербальные сигналы. Каждый такой контакт требует вовлеченности в ситуацию, оценку нескольких факторов и условий одновременно за короткий промежуток времени.

Пятый фактор — это архитектура как ускоритель решений. Психолог Джеймс Гибсон ввел термин «аффордансы» [Гибсон, 1988]. Он обозначает скрытый потенциал действия, который объект предоставляет человеку, то есть это свойство или визуальная характеристика предмета, которые интуитивно подсказывают человеку, как с ним можно взаимодействовать. Так, городская среда буквально спроектирована для быстрых действий: турникеты, которые нужно пройти одним движением, светофоры, горящие недостаточное количество времени для комфортного неспешного перехода, указатели, рассчитанные на чтение на бегу. Среда постоянно подталкивает человека к мгновенным реакциям, не оставляя времени на размышление и формируя привычку действовать без пауз.

Однако человек, адаптированный к данной среде, уже улавливает паттерны и неосознанно или даже осознанно экономит свое индивидуальное время: не читает рекламу, заранее достает проездной или смартфон для оплаты, выбирает самый быстрый маршрут в обход типичных пробок, игнорирует отвлекающие вывески и звуки, а также использует ситуативные, случайные паузы для бытовых микрозадач. Другими словами, нервная система горожанина перестраивается на фильтрацию лишнего шума и автоматическое извлечение из среды только необходимого. Поэтому в современном мегаполисе более ценным ресурсом становится не время, а внимание.

Восприятие времени в современном мегаполисе в том числе опосредовано культурными факторами. Наряду с инфраструктурными и экономическими причинами ускорения, оно глубоко укоренено в культурных нормах. Именно они задают ту базовую рамку, внутри которой формируется логика обращения со временем.

Так, американский антрополог Эдвард Холл ввел фундаментальное различие культур по их отношению ко времени [Холл, 2008 ; Холл, 2021]. Во-первых, монохронные культуры. В их число входят США, Германия, Северная Европа. По мнению автора, жители данных регионов

осознают время как линейный поток, который можно разделить на определенные этапы, отрезки. Данное восприятие отражается и в делах: работу выполняют последовательно и четко, а пунктуальность является основополагающим качеством.

Во-вторых, полихронные культуры. К данному типу автор относит страны Латинской Америки, Ближнего Востока, Средиземноморья, а также арабский мир и Юго-Восточную Азию. По мнению автора, в их восприятии время более гибко и «текуче». Вместо жесткого расписания на первый план выступают человеческие взаимоотношения, а также мультизадачность.

В этом контексте современный мегаполис способен совмещать характеристики двух культур. С одной стороны, город выступает как монохронная система, любая пауза в урбанистической среде ведет к масштабным убыткам и воспринимается как сбой, требующий немедленного восстановления синхронности. С другой стороны, существование такой сложной структуры, как современный мегаполис, невозможно без полихронных стратегий и практик. В условиях большого города необходимы навыки грамотного распределения внимания и времени, поддержания контакта и налаживания социальных связей с огромным количеством людей, а также выполнения нескольких дел одновременно. Это формирует уникальный городской опыт темпоральной гибридности, житель мегаполиса вынужден постоянно переключаться между разными «языками времени».

Роберт Левайн развил концепцию Эдварда Холла и провел эмпирическое исследование, результаты которого изложил в работе «География времени: Как культуры относятся ко времени» [Левин, 1999]. Для измерения темпа жизни исследователь выделяет три индикатора: скорость ходьбы, скорость работы почты, точность общественных часов. Р. Левайн в том числе собирал данные о плотности населения, ВВП на душу, средней температуре, сердечно-сосудистых заболеваниях и субъективном счастье. По результатам исследования, к самым быстрым странам он отнес Швейцарию, Ирландию, Германию, Японию, Италию и США. К странам со средним темпом — Францию, Канаду, Польшу, Россию, Австралию. А самыми медленными оказались Мексика, Индонезия, Бразилия, Китай, Египет и Бангладеш.

К причинам данных различий в восприятии времени и скорости относятся, во-первых, экономические факторы. Чем выше ВВП на душу населения, тем быстрее темп жизни. Люди стремятся минимизировать неоплачиваемое время. Однако исключением является Япония, где очень высокая скорость при умеренном ВВП. Это объясняется доминирующим культурным фактором. Во-вторых, демографическая причина — жителям плотнонаселенных районов приходится перемещаться быстрее, так как высокая плотность порождает конкуренцию за пространство и время, нужно лавировать между другими пешеходами. Возникает «индуцированная спешка» как адаптация к тесноте. В-третьих, культурные факторы, являющиеся наиболее устойчивыми. В этом аспекте развиваются идеи о монохронных и полихронных культурах. К культурным факторам также относятся ориентация на будущее, выражающаяся в планировании, готовности откладывать текущее удовольствие ради долгосрочных целей, инвестициях в образование и сбережениях, что ускоряет темп жизни. Таким образом, концепции Э. Холла и Р. Левайна в современном мегаполисе усложняются. Это напрямую подводит к вопросу о том, как именно трансформируется восприятие скорости на субъективном уровне.

Современный мегаполис перестраивает не только паттерны поведения общества в целом, но и субъективное переживание времени. Переходя к рассмотрению трансформации индивидуального восприятия времени, необходимо выделить ключевые субъективные факторы ускорения и замедления. Время может субъективно растягиваться и сжиматься. В современную эпоху данные флуктуации становятся все более заметными и индивидуализированными, то есть

в большей степени детерминированными личным переживанием, нежели коллективным опытом.

Необходимо с самого начала разграничить два режима оценки времени. Онлайн — «прямо сейчас», проживание события в моменте времени. И ретроспективный — каким отрезок кажется по памяти, в воспоминании. Как показали исследования Р. Блока и Д. Рида, интенсивно прожитый день пролетает быстро онлайн, но в воспоминании кажется длинным из-за обилия событий [Block, Zakay, 1997]. Скучный день тянется бесконечно онлайн, но в ретроспективе воспринимается как миг, так как наполненности событиями почти нет.

В путешествиях время течет весьма медленно: поездка продолжительностью в несколько дней по своей насыщенности может превосходить месяцы рутинной жизни. Следовательно, новые впечатления, а именно поступление новой информации, способны замедлять субъективное течение времени — но главным образом в ретроспективной оценке. Исследователи пишут: «as difficulty increases, experienced duration decreases» (с увеличением сложности обработки переживаемая длительность уменьшается) [Block, Zakay, 1997, с. 188]. Как экспериментально подтвердил Роберт Орнштейн, субъективная длительность интервала определяется количеством сохранившейся в памяти информации или «следов» [Ornstein, 1969]. Новое путешествие дает массу новых событий, и ретроспективно оно кажется долгим. Это объясняется тем, что индивид выходит из привычного ритма существования, где действия выполняются автоматически, и переходит к осмысленной деятельности. В путешествии человек лишен возможности двигаться по знакомым маршрутам, поскольку таковые отсутствуют. Даже воспроизведение обыденных ритуалов (утренние сборы, приготовление пищи, вечерние процедуры и т.д.) требует определенной включенности, так как элемент предсказуемости и привычности исчезает.

На первый взгляд остается неясным, почему при чтении увлекательной художественной литературы или при глубоком погружении в научную проблематику несколько часов (или даже целый день) пролетают мгновенно, тогда как новая информация, согласно предыдущему рассуждению, должна была бы замедлять время. Если же это скучная книга и формальная учебная задача, интерес к которой исчерпывается стремлением как можно быстрее ее выполнить, время, напротив, тянется бесконечно. Во всех приведенных примерах элемент новизны присутствует неоспоримо, однако восприятие времени различается. Ответ на данный парадокс предложил Михай Чиксентмихайи в своей концепции «потока» [Чиксентмихайи, 2011]. В состоянии потока, то есть полной поглощенности интересной задачей, человек теряет ощущение себя и времени — оно «пролетает» незаметно. Механизм этого эффекта подробно описан в модели «внимательных врат» Дэна Зака и Ричарда Блока [Block, Zakay, 1997]: когда все внимание сосредоточено на содержании задачи, «врата» для импульсов внутреннего «таймера» закрываются, и мозг перестает регистрировать ход времени. Напротив, при скучной книге или формальной задаче остается избыток внимания, который автоматически переключается на мониторинг времени, что субъективно растягивает каждую минуту.

Для объяснения того, почему книги, научные работы и фильмы не вызывают сопоставимого ретроспективного удлинения временного интервала, несмотря на новизну, необходимо обратиться к различиям в сенсорной модальности опыта. Это связано с тем, что задействовано недостаточно органов чувств. Подобная деятельность опирается прежде всего на зрительное восприятие и требует умственной нагрузки. Чем более полным и разнообразным является чувственный опыт, тем более вероятно, что соответствующий временной отрезок не останется незамеченным и не будет воспринят как быстротечный. Нейробиолог Дэвид Иглман [Eagleman, Pariyadath, 2009] показал, что в ситуациях высокой эмоциональной и мультисенсорной новизны

мозг начинает записывать память с более высокой «частотой семплирования», как при замедленной съемке. Однако этот эффект в основном работает ретроспективно — после события кажется, что оно длилось дольше, чем на самом деле. В реальном же времени, «онлайн», сильная эмоция может, наоборот, восприниматься как короткая вспышка. Таким образом, чтение — прежде всего моносенсорная когнитивная деятельность, и в ней доминируют механизмы «потока» и «врат внимания», а не механизмы «нейробиологического замедления».

Таким образом, к ключевым субъективным факторам восприятия времени относятся:

1. Плотность фиксируемых следов в памяти. Чем больше новых запоминающихся событий, тем длиннее интервал ретроспективно; чем меньше — тем короче.

2. Степень автоматизма и осознанной включенности. Привычные, автоматические действия почти не фиксируются сознанием и ретроспективно сжимаются; непривычные, требующие осознанного выбора, ситуации оставляют больше следов и ретроспективно растягиваются.

3. Загрузка внимания внутренним таймером. Полное погружение в задачу ускоряет время, избыток внимания, уходящий на мониторинг времени, — замедляет.

4. Сенсорная ширина и модальность опыта (моносенсорное или мультисенсорное). Чем меньше органов чувств задействовано, тем незаметнее течет время. Чем больше — тем длиннее кажется отрезок при воспоминании.

5. Режим временной оценки. Происходит расхождение между восприятием времени в моменте и в воспоминании.

Перечисленные факторы обостряются именно в условиях городского ускорения: плотный поток событий создает больше «следов», автоматизм повседневных действий сочетается с вынужденным переключением внимания, а сенсорно насыщенная среда мегаполиса одновременно и отвлекает, и требует мгновенной реакции. Поэтому вывод, сделанный ранее на уровне поведения, получает подкрепление и на уровне субъективного переживания: в современном мегаполисе все более ценным ресурсом становится внимание.

Ведь время, при всей своей невосполнимости, у каждого жителя большого города объективно ограничено двадцатью четырьмя часами в сутки. Внимание же — это метаресурс, так как его невозможно накопить или продлить простым хронометражем. Информационный шум, постоянные уведомления, реклама, многозадачность и конкуренция десятков приложений за экранное время приводят к тому, что именно способность сосредоточиться становится главным дефицитом.

Заключение

Таким образом, современный мегаполис фундаментально меняет природу восприятия времени. Ускорение инфраструктуры, плотность событий и тотальная синхронизация приводят к тому, что наряду с временем важным ресурсом становится внимание. Именно способность сосредоточиться, отсеивать шум и управлять когнитивной нагрузкой определяет теперь и качество проживаемого опыта, и глубину субъективного времени. Как следствие, акцент смещается от «экономики времени» к «экономике внимания», а умение распорядиться собственным вниманием оказывается ключевым условием осмысленной жизни в ускоренном мире.

Библиография

1. Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В.Л. Силаевой; под науч. ред. О.А. Оберемко. – М.: ВЦИОМ, 2019. – 156 с.
2. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. С.А. Комарова; под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 238 с.

3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М.И. Левиной. – М.: Директ-Медиа, 2008. 262 с.
4. Вирильо П. Скорость и политика. – М.: Практикс, 2006. – 192 с.
5. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / общ. ред. и вступ. ст. А.Д. Логвиненко. – М.: Прогресс, 1988. – 464 с.
6. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. Л. Мотылева. – М.: Новое издательство, 2011. – 460 с.
7. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3/4 (34). С. 1–12.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
9. Левин Р. География времени // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11, Социология: реферативный журнал. 1999. № 1. С. 131–142.
10. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 46. Ч. 1. – 560 с.
11. Франклин Б. Советы молодому торговцу / пер. с англ. – М.: Эксмо, 2021. – 144 с.
12. Харви Д. Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений / пер. с англ. Н. Проценко. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. – 576 с.
13. Холл Э.Т. Безмолвный язык / пер. с англ. – М.: Издательство МГУ, 2008. – 192 с.
14. Холл Э.Т. Танец жизни / пер. с англ. – М.: АСТ, 2021. – 384 с.
15. Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания / пер. с англ. Е. Перовой; науч. ред. Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. – 461 с.
16. Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторяемость / пер. с фр. Е.Н. Стефанова. – М.: Ладомир, 2000. – 414 с.
17. Block R.A., Zakay D. Prospective and retrospective duration judgments: A meta-analytic review // Psychonomic Bulletin & Review. 1997. Vol. 4. № 2. P. 184–197.
18. Eagleman D.M., Pariyadath V. Is subjective duration a signature of coding efficiency? // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2009. Vol. 364. № 1525. P. 1841–1851.
19. Einstein A. Die Grundlage der allgemeinen Relativitätstheorie // Annalen der Physik. 1916. Bd. 354. H. 7. S. 769–822.
20. Ornstein R.E. On the experience of time. – Harmondsworth: Penguin Books, 1969. – 126 p.
21. Rosa H. Beschleunigung: Die Veränderung der temporalen Strukturen in der Moderne. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005. – 527 p.

Transformation of Time Perception in the Modern Megalopolis

Agamali K. Mamedov

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Head of the Department of Sociology of Communicative Systems, Faculty of Sociology,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: akmnauka@yandex.ru

Elizaveta Yu. Apreutesey

Master's Student, Faculty of Sociology,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: apreutesey_science@mail.ru

Abstract

The article analyzes the transformation of time perception in the modern megalopolis as a result of the mutual influence of historical, socio-economic, technological, and subjective-psychological

factors. Based on the concepts of cyclical and linear time, theories of acceleration, as well as the ideas of "liquid modernity" and the "space of flows," an interpretation of changes in temporal structures in the urban environment is proposed. Particular attention is paid to infrastructural determinants of acceleration, such as the synchronization of nodes, the density of contacts, and the affordances of architecture; cultural differences in time perception, including monochronic and polychronic cultures; as well as subjective mechanisms of its evaluation, including memory density, attention load, and sensory saturation. It is shown that in the megalopolis, time loses its homogeneity, becomes fragmented and hybrid, and attention, rather than time, becomes the key scarce resource. A conclusion is drawn about the transition from the "economy of time" to the "economy of attention," where the ability to concentrate and filter information noise determines the quality of subjective experience and the depth of experiencing temporal intervals.

For citation

Mamedov A.K., Apreutesey E.Yu. (2026) Transformatsiya vospriyatiya vremeni v sovremennom megapolise [Transformation of Time Perception in the Modern Megalopolis]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 16 (4A), pp. 197-208. DOI: 10.34670/AR.2026.45.40.022

Keywords

Time perception, megalopolis, acceleration, chronotope, attention, "liquid modernity," space of flows, monochronic and polychronic cultures, subjective experience of time, economy of attention.

References

1. Bauman, Z. (2008). Tekuchaya sovremennost [Liquid modernity] (S. A. Komarov, Trans.; Yu. V. Asochakov, Ed.). St. Petersburg: Piter.
2. Bauman, Z. (2019). Retrotopiya [Retrotopia] (V. L. Silaeva, Trans.; O. A. Oberemko, Ed.). Moscow: VCIOM.
3. Block, R. A., & Zakay, D. (1997). Prospective and retrospective duration judgments: A meta-analytic review. *Psychonomic Bulletin & Review*, 4(2), 184-197.
4. Csikszentmihalyi, M. (2011). Potok: psikhologiya optimalnogo perezhivaniya [Flow: The psychology of optimal experience] (E. Perova, Trans.; D. A. Leontiev, Ed.). Moscow: Smysl: Alpina non-fiction.
5. Eagleman, D. M., & Pariyadath, V. (2009). Is subjective duration a signature of coding efficiency? *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 364(1525), 1841-1851.
6. Einstein, A. (1916). Die Grundlage der allgemeinen Relativitätstheorie [The foundation of the general theory of relativity]. *Annalen der Physik*, 354(7), 769-822.
7. Eliade, M. (2000). Mif o vechnom vozvrashchenii: Arkhetipy i povtoryaemost [The myth of the eternal return: Archetypes and repetition] (E. N. Stefanov, Trans.). Moscow: Ladomir.
8. Franklin, B. (2021). Sovety molodomu torgovtsu [Advice to a young tradesman]. Moscow: Eksmo.
9. Gibson, J. (1988). Ekologicheskiy podkhod k zritelnomu vospriyatiyu [The ecological approach to visual perception] (A. D. Logvinenko, Ed.). Moscow: Progress.
10. Hall, E. T. (2008). Bezmolvnyy yazyk [The silent language]. Moscow: Moscow State University Press.
11. Hall, E. T. (2021). Tanets zhizni [The dance of life]. Moscow: AST.
12. Harvey, D. (2024). Sostoyanie postmoderna: issledovanie istokov kulturnykh izmeneniy [The condition of postmodernity: An enquiry into the origins of cultural change] (N. Protsenko, Trans.). Moscow: HSE Publishing House.
13. Jacobs, J. (2011). Smert i zhizn bolshikh amerikanskikh gorodov [The death and life of great American cities] (L. Motylev, Trans.). Moscow: Novoe izdatelstvo.
14. Kastels, M. [Castells, M.] (2000). Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura [The information age: Economy, society and culture] (O. I. Shkaratan, Ed.). Moscow: HSE.
15. Levin, R. [Levine, R.] (1999). Geografiya vremeni [The geography of time]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11, Sotsiologiya*, 1, 131-142.
16. Marx, K. (1968). Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov (pervonachalnyy variant «Kapitala»). Ch. 1 [Economic manuscripts of 1857–1859 (original version of «Capital»). Part 1]. In K. Marx & F. Engels, *Sochineniya* (2nd ed., Vol. 46, Part 1). Moscow: Politizdat.

17. Ornstein, R. E. (1969). On the experience of time. Harmondsworth: Penguin Books.
18. Rosa, H. (2005). Beschleunigung: Die Veränderung der temporalen Strukturen in der Moderne [Acceleration: The change of temporal structures in modernity]. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
19. Simmel, G. (2002). Bolshie goroda i dukhovnaya zhizn [The metropolis and mental life]. Logos, 3/4(34), 1-12.
20. Virilio, P. (2006). Skorost i politika [Speed and politics]. Moscow: Praxis.
21. Weber, M. (2008). Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [The Protestant ethic and the spirit of capitalism] (M. I. Levina, Trans.). Moscow: Direkt-Media.